

Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. С. 238–244.

Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Минец Д. В. Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2012.

Дамаскин Иоанн (преп.). Точное изложение православной веры. Кн. 2. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2003.

Святитель Феофан Затворник, Вышенский. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться? Минск: Издательство Дмитрия Харченко, 2014.

Степанова А. Д.
студентка УрФУ

ЖЕНСКИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТИПАЖИ В ПЬЕСЕ

А. П. ЧЕХОВА «ВИШНЕВЫЙ САД»

В статье на материале текста пьесы «Вишневый сад», написанной А. П. Чеховым незадолго до смерти в 1904 году, анализируются репродуцированные драматургом женские лингвокультурные типажы. Лингвокультурный типаж – это «разновидность концепта <...> а именно: ментального образования, в котором содержится культурно маркированный признак, существенный для понимания того или иного этнического сообщества» [Карасик 2002: 103]. «Лингвокультурный типаж предстает как обобщенный образ представителя того или иного социума» [Карасик 2010: 6].

Предмет нашего анализа – реплики главных героинь пьесы – Любови Андреевны Раневской и Ани. Извлечения из текста пьесы передаются курсивом. В центре исследования – я-реплики, в том числе развернутые (монологические). Перейдем к интерпретации конкретных примеров:

Любовь Андреевна. *Детская, милая моя, прекрасная комната... Я тут спала, когда была маленькой... (Плачет.) И теперь я как маленькая... (Целует брата, Варю, потом опять брата.) А Варя по-прежнему все такая же, на монашку похожа. И Дуняшу я узнала... (Целует Дуняшу.) (Действие первое: 164)*

Обращают на себя внимание экспрессивы, присущие речевой манере героини. Порывистость, искренность, эмоциональность – характероло-

гические особенности типажа женщины – проявляются и в следующем монологе Раневской:

Любовь Андреевна. *О, мои грехи... Я всегда сорила деньгами без удержу, как сумасшедшая, и вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, – он страшно пил, – и на несчастье я полюбила другого, сошлась, и как раз в это время, – это было первое наказание, удар прямо в голову, – вот тут на реке... утонул мой мальчик, и я уехала за границу, совсем уехала, чтобы никогда не возвращаться, не видеть этой реки... Я закрыла глаза, бежала, себя не помня, а он за мной... безжалостно, грубо. Купила я дачу возле Ментоны, так как он заболел там, и три года я не знала отдыха ни днем, ни ночью; больной измучил меня, душа моя высохла. А в прошлом году, когда дачу продали за долги, я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... И потянуло вдруг в Россию, на родину, к девочке моей... (Утирает слезы.) Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! (Достает из кармана телеграмму.) Получила сегодня из Парижа... Просит прощения, умоляет вернуться... (Рвет телеграмму.) Словно где-то музыка. (Действие второе: 188).*

Высказывания-самооценки [Кожевникова 1987: 752] выступают как средство психологической диагностики: понимая границы позволительного, должного, Раневская не в силах удержаться от предсудительных поступков: сорила деньгами без удержу – осознание собственной расточительности; сумасшедшая – признание «крайнего безрассудства» [См.: Ожегов и Шведова 1997: 779]. ИмPLICITно формируется сравнение: поступаю, как сумасшедшая, невменяемая. Отмеченные самохарактеристики позволяют констатировать, что, будучи врачом, А. П. Чехов репродуцирует типаж Раневской как «диагноз» [См.: Карасик 2010: 207].

В приведенном монологе предстает картина «биографического времени» (термин М. М. Бахтина), наполненная событиями: *...вышла замуж за человека, который делал одни только долги. Муж мой умер от шампанского, <...> полюбила другого, сошлась.* К помещице, воспитанной в христианских традициях, приходит осознание наказания, заслуженной Божьей кары за внебрачную связь: *утонул мой мальчик. Смерть сына – сквозной мотив, мотивирующий желание скрыться: <...> и я уехала за границу, совсем уехала, ...не видеть этой реки...* Неудавшаяся попытка бегства от происходящего с надеждой все забыть приводит к внутреннему опустошению: *<...> душа моя высохла. А в прошлом году ...я уехала в Париж, и там он обобрал меня, бросил, сошелся с другой, я пробовала отравиться... Так глупо, так стыдно... – трез-*

вая оценка собственных поступков как глупых, недопустимых, сопровождается слезами, но не изменением жизненного поведения: *в Россию, на родину, к девочке моей...*

Внешнее проявление эмоций подчеркивает искреннее желание разобратся в себе, стать лучше, чище, однако перемена места и окружения не заливает психические травмы души, иссушенной страданиями, но и не уничтожает надежды на прощение: *...прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше!* Обращение к Богу свидетельствует о крайне нестабильном эмоциональном состоянии Раневской, вызывающей к помощи Всевышнего.

В приведенных фрагментах речевой партии формируется важная для хронотопа целого текста дальняя ретроспекция: *когда была маленькой*. Раневская с трепетом и любовью говорит о своей бывшей комнате, предается воспоминаниям о счастливом детстве. Вербальный указатель (*теперь*) переключает восприятие на реальное настоящее время. В локусе детской героиня испытывает давние чувства умиления и искренней радости (*как маленькая*). Жестовое поведение передает теплые чувства к брату, с которым она вместе воспитывалась, к Вере, которую она воспитывала. Неподдельные эмоциональные реакции поддерживают иллюзию возвращения в счастливое прошлое. Необходимо обратить внимание на «стилистическую фигуру вокатива – риторического обращения к персонифицированным предметам и явлениям <...> эти обращения являются своеобразными лирическими вставками» [Химик 2006: 50–51], важными для понимания мировидения Раневской: все лучшее в ее жизни было связано с детством, домом и садом.

«Диагностические пятна» речевой индивидуальности Раневской – глаголы эмоционального состояния и переживания; слова категории состояния; вокативы-олицетворения: *дом; сад; комната; детская; шкаф; столик*. Частотность глагола *любить* (в границах речевой партии этот глагол употребляется 13 раз) свидетельствует о преобладании эмоционального над рациональным, о необузданности натуры.

Лингвокультурный типаж Раневской воплощает традиционные черты русской женщины дворянского происхождения: укорененность в родной почве, любовь к Родине и близким, искренность, эмоциональность, порывистость. В то же время характер главной героини противоречив: она безалаберна, расточительна. Способность рационально оценивать свои поступки соединяется с нерациональностью жизненной организации, неприспособленностью к жизни. Чистота и правдивость, умение мыслить критически сочетаются с неумением найти выход из критической ситуации, с беспомощностью, болезненным стремлением отгородиться от реальной жизни. Все это

позволяет охарактеризовать Любовь Андреевну как типаж уходящий, который будет уничтожен «новыми хозяевами вишневого сада». Выделенные параметры соответствуют типу «диагнозу».

Рассмотрим особенности лингвокультурного типажа дочери Раневской, обратившись к я-высказываниям.

Аня (глядит в свою дверь, нежно). *Моя комната, мои окна, как будто я не уезжала. Я дома! Завтра утром встану, побегу в сад... О, если бы я могла уснуть! Я не спала всю дорогу, томило меня беспокойство.* (Действие первое: 165)

Ближнюю ретроспекцию составляют локусы дома и сада. Аню охватывает чувство привязанности к дому и всему, что связано с ним. Несмотря на лексическую переключку с речевой партией Раневской, нельзя не заметить отсутствие вокативов-олицетворений. Эмоциональный порыв не перерастает в сентиментальное умиление. В отличие от матери, Аня трезво оценивает ситуацию текущего момента:

Аня. *Что вы со мной сделали, Петя, отчего я уже не люблю вишневого сада, как прежде. Я любила его так нежно, мне казалось, на земле нет лучших места, как наш сад.* Ср. также:

Аня. *Дом, в котором мы живем, давно уже не наш дом, и я уйду, даю вам слово.* (Действие второе: 196)

В данных примерах реализуются грани модальности, которые выделяет Г. Я. Солганик: «Отношение к действительности – субъективно-объективное, прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими теориями» [Солганик 1999: 371].

Аня осознает личную ответственность в ситуации аксиологического выбора. Она мыслит трезво, проявляет решительность, твердость, моральную готовность к переменам. Девушка смело смотрит в будущее, осознает ценность созидательного труда, который это будущее приближает:

Аня. *Мама!.. Мама, ты плачешь? Милая, добрая, хорошая моя мама, моя прекрасная, я люблю тебя... я благословляю тебя. Вишневый сад продан, его уже нет, это правда, правда, но не плачь, мама, у тебя осталась жизнь впереди, осталась твоя хорошая, чистая душа... Пойдем со мной, пойдем, милая, отсюда, пойдем!.. Мы насадим новый сад, роскошнее этого, ты увидишь его, поймешь, и радость, тихая, глубокая радость опустится на твою душу, как солнце в вечерний час, и ты улыбнешься, мама! Пойдем, милая! Пойдем!..* (Действие третье: 213–214)

Понимая причины странных поступков горячо любимой матери, Аня воздерживается от осуждения и выражает готовность сделать все, чтобы

стать надежной опорой для той, которая ее родила и воспитала. Последовательность глагольных номинаций (*выдержу, буду работать, тебе помогать*) свидетельствует о разработанной программе самостоятельного включения в трудовую жизнь. Важное место в этой жизни займет чтение книг:

Аня. Ты, мама, вернешься скоро, скоро... не правда ли? Я подготовлюсь, выдержу экзамен в гимназии и потом буду работать, тебе помогать. Мы, мама, будем вместе читать разные книги... Не правда ли? (Целует матери руки.) *Мы будем читать в осенние вечера, прочтем много книг, и перед нами откроется новый, чудесный мир...* (Мечтает.) *Мама, приезжай...* (Действие четвертое: 221)

«Диагностические пятна» речевой индивидуальности Ани – глаголы эмоционального состояния и переживания; слова категории состояния; прямооценочные номинации по отношению к «чужому» и «своему»; вербальные сигналы времени, поддерживающие мечты о будущем. Отмеченные параметры позволяют констатировать: А. П. Чехов в образе дочери Раневской репродуцирует типаж-«характер» [Карасик 2010: 178].

Драматург отводит главную роль Раневской, но и образ Ани нельзя считать второстепенным. Обращает на себя внимание цельность натуры, в которой эмоциональное не подавляет рациональное, но гармонически сочетается с последним. Складывающийся лингвокультурный типаж, его созидательная составляющая формируют оптимистическую тональность текста, прогнозируют картину будущего.

ИСТОЧНИКИ

Три сестры: пьесы / Антон Чехов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. С. 159–228.

СЛОВАРИ

Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л. Г. Андреев, Н. И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. М.: Сов. энциклопедия, 1987. С. 752.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 779.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 103.

Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010.

Солганик Г. Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции МГОПУ. М., 1999. С. 371.

Химик В. В. Вокатив как художественный прием в драматургии Чехова // Обретение смысла. Сборник статей, посвящённый юбилею проф. К. А. Роговой. СПб.: Изд-во «Осипов», 2006. С. 50–51.

Сушкевич В. А.

студентка УрФУ,

Бортников В. И.

канд. филол. наук, асс. каф. русского языка,

общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА СТИХОТВОРЕНИЯ И. БРОДСКОГО «СНАЧАЛА В БЕЗДНУ СВАЛИЛСЯ СТУЛ...»¹

Вторая половина 1960-х гг. в жизни Иосифа Бродского – период, называемый исследователями «отчуждением» от Родины. Травля в печати, начавшаяся с фельетона «Окололитературный трутень» (1963), судебные заседания, принудительные психиатрические экспертизы, ссылка, а чуть позднее распад «ахматовского кружка» – всё это не могло не отразиться на отношении Бродского к Советскому Союзу. Вместе с тем «поэт становится чрезвычайно популярен у иностранных журналистов, ученых-славистов, приезжающих в Россию. У него берут интервью, его приглашают в западные университеты (естественно, что разрешения на выезд власти не дают) и т. п.» [Куллэ 1997: 292]. Об этом сложном этапе жизни Бродского Л. Лосев в книге «Иосиф Бродский» пишет следующее: «В течение семи лет между возвращением из ссылки в 1965 году и отъездом за границу в 1972 у Бродского был странный статус в советском обществе. Нечто вроде положения Булгакова или Пастернака в более страшные времена второй половины тридцатых годов: ему разрешили жить на свободе и зарабатывать пером на пропитание, но как поэт он официально не существовал» [Лосев 2008: 127].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-21-07002-ОГН «"Человек советский" в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI вв.», грант № 18-012-00382 «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».